

— Да-да, мастер! Сюда! Быстрее, мастер! Там вопрос жизни и смерти!

Дверь с треском распахнулась.

— Они умерли?

— Вроде нет...

— Эм... Мастер, может... вы пока выйдете? — раздался робкий девичий голос.

— Ну ладно... Мы пойдём. Если что, зови.

Ло Сяо неловко замерла у порога. Будучи бетой, она слабо реагировала на запахи, но даже сквозь её притуплённое обоняние пробивался густой, переплетённый аромат чужих феромонов. Воздух буквально пропитался резким, удушливым запахом розмарина — но розмарина зимнего, скованного льдом, словно умирающий на морозе цветок источал свои последние, самые горькие соки.

Посреди этого дурмана на постели покоились двое мужчин.

Они не делали ничего предосудительного — просто неподвижно лежали рядом, однако воображение Ло Сяо уже вовсю рисовало куда более пикантные картины. Сначала она стыдливо отвела глаза, но тут же скосила взгляд обратно, снова отвернулась — и опять уставилась на кровать.

Чёрт подери, неужели она видит это воочию!

Пальцы Ло Сяо невольно потянулись к карману. Чертовски хотелось достать телефон и сделать снимок — подобные кадры выпадали раз в жизни, а ей так нужны были живые материалы для будущих романов!

Какая атмосфера, господа... Оборотни-геи — это же чистый восторг!

«Стоп, нет-нет-нет, о чём я думаю!»

Тряхнув головой, она запихнула вытащенный наполовину мобильник обратно. Дело принимало слишком скверный оборот, и ей нужно было не любоваться парнями, а срочно будить их.

Ло Сяо нерешительно протянула руку к плечу Гу Шэня. Будить Сюй Мяо, лежавшего у самой стены, было банально неудобно.

Но стоило её пальцам коснуться ткани его рубашки, как стальные тиски сомкнулись на её запястье. От резкой боли Ло Сяо чуть не взвизгнула, но, столкнувшись взглядом с Сюй Мяо, мгновенно проглотила крик.

Тот проснулся неизвестно когда. Он свирепо посмотрел на неё из-под золотистых, хищно изломленных бровей, сузив звериные зрачки. Это был взгляд первобытного хищника, сошедшего с ума от жажды крови.

Ло Сяо похолодела от ужаса. Сердце ушло в пятки; трусливо отведя глаза, она едва сдерживала инстинктивное желание броситься наутёк.

— Ты как здесь оказалась? — Сюй Мяо шумно выдохнул и разжал пальцы, однако тут же прижал палец к губам, требуя тишины.

— Я... я пришла... — под его тяжёлым взглядом у неё разом вылетела из головы вся заготовленная речь.

Ей было трудно сопоставить этого сурового вожака с тем улыбчивым, ребячливым студентом, который ещё вчера забавно препирался со старшими.

— Есть новости о книжном духе? — спросил Сюй Мяо, приподнимаясь на локтях.

На нём была лишь свободная спортивная майка. Одежда соскользнула, обнажив широкие рельефные плечи и литые мышцы груди — мощные, дышащие первобытной силой. В полумраке он казался грозным вождем из древних легенд, чьи силуэты когда-то высекали на храмовых стенах.

Однако этот грозный вождь говорил почти шёпотом, бережно охраняя покой мужчины, спящего рядом.

— Мяу! — негромкий кошачий писк заставил Ло Сяо вздрогнуть.

В наглухо запертой комнате откуда ни возьмись появилась угольно-черная кошка. Сделав пару ленивых шагов, она запрыгнула на постель и принялась усердно отряхиваться.

— Еле дождался, — Сюй Мяо ловко ухватил животное за загривок и повернулся к госте: — Доставай припасы из рюкзака.

На спине у кошки действительно висел крошечный зеленый ранец. Расстегнув молнию, Ло Сяо извлекла оттуда продолговатый металлический цилиндр. Сюй Мяо кивком указал на едва заметный предохранитель. Стоило нажать на него, как прибор с тихим шипением выпустил струю ледяного пара, и наверх плавно поднялась кассета с ампулами.

— Супрессант? — её пальцы предательски дрогнули.

Как и всякая бета, Ло Сяо относилась к миру альф и омег с затаённым любопытством. Среди её знакомых омег не водилось, да если бы и были — кто станет колоть себе супрессанты при посторонних? Она сотни раз описывала подобные сцены в своих книгах, но увидеть процесс живую — от этого по спине пробежали щекочущие мурашки.

— Он самый, — Сюй Мяо небрежно сбросил кошку с кровати.

Та растворилась в воздухе, не успев коснуться пола. Подобные создания часто служили посыльными в теневом мире, беспрепятственно путешествуя между явью и изнанкой. Обижать таких курьеров никто не смел — какими бы отпетыми негодяями ни были обитатели обеих сторон, котиков любили все.

В самом деле, кто же станет вредить кошкам?

Сюй Мяо перевёл взгляд на спящего Гу Шэня. Тот лежал смирно и тихо, растеряв всю свою обычную колючесть, словно беззащитный котёнок. Вот только он страдальчески хмурился во сне, будто от кошмаров, а кожа под ладонью Сюй Мяо всё ещё пылала жаром.

«Хоть бы мозг себе не расплавил, — мелькнула циничная мысль. — С другой стороны, если поглупеет — мне же проще будет с ним возиться»

Но, вопреки ворчливым мыслям, он без промедления извлёк из футляра специальный инъектор. Эту редкую игрушку собирали для черного рынка: тончайшая игла входила под кожу абсолютно безболезненно. Из-за баснословной цены и штучного спроса в обычных аптеках такие штуки не продавались, но Сюй Мяо поднапряг своих ребят, и те раздобыли пару штук, заправленных концентрированным составом.

В нынешние просвещённые времена, когда нравы звероловцев окончательно раскрепостились, их подпольные фармацевты создали идеальное средство для всеобщей гармонии. Оно не только временно притупляло мучительную боль от проклятия любви, но и намертво гасило симптомы гона.

Быстро избавиться от проклятия любви было невозможно, но этот супрессант давал им столь необходимую передышку. Сюй Мяо растряс старые связи посреди ночи, потребовав дефицитный препарат. Денег у него водилось негусто, так что драгоценные ампулы он выбил из бывших дружков исключительно благодаря врождённой наглости и умению брать на пушку.

Похоже, за вчерашние сутки он растратил весь свой запас фальшивого дружелюбия и шуточек. Сегодня Сюй Мяо не мог выдавить даже подобие улыбки. Хищная волчья натура брала своё, заставляя Ло Сяо испуганно сжиматься при каждом его движении.

— Давай лучше я, тебе ведь неудобно, — робко предложила она, глядя на скованные запястья мужчин.

Сюй Мяо предостерегающе прищурился.

— Сам справлюсь, — отрезал он тоном, не терпящим возражений.

Он бережно прижал кончик инъектора к покрасневшей коже на затылке Гу Шэня. Взгляд Сюй Мяо потемнел от едва сдерживаемой ярости. Какая же нелепость! Ждать этого упрямого ублюдка долгих два года только для того, чтобы теперь послушно колоть ему супрессанты вместо того, чтобы содрать одежду и взять прямо здесь, на этой измятой постели.

Два года. Два чертовых года он изнывал от тоски, прокручивая в голове сотни грязных сценариев, мечтая о том, как заставит Гу Шэня стонать под собой. И вот финал: он стоит со шприцем в руке, прицеливаясь в его несчастную железу.

Его трясло от вожделения. Тонкая, изящная шея Гу Шэня была прямо перед ним. Короткие пряди волос на затылке, когда-то дарившие маленькому Сюй Мяо глупое, но такое сильное чувство защищённости, теперь лишь разжигали аппетит. Прямо под ними спала подневольная омежья плоть. Дикий инстинкт требовал вонзить клыки в беззащитную плоть, заставить задыхаться от удовольствия и боли...

Внутри поднялась горячая волна, готовая смести остатки разума. И всё же, вопреки бешеному стуку сердца, его рука действовала на удивление плавно и мягко.

Несмотря на всю осторожность, Гу Шэнь шевельнулся. Веки его дрогнули, и он медленно открыл мутные глаза. Осознав, что лежит вплотную к Сюй Мяо, он инстинктивно отпрянул, перекатившись на бок, но тут же замер, ошарашенно глядя перед собой. То ли из-за спавшего жара, то ли под действием успокоительного, содержавшегося в препарате, его взгляд оставался туманным и расфокусированным.

Сюй Мяо молча созерцал его. Всего второй раз за последние годы он видел спящего Гу Шэня так близко, но сейчас его душу рвало на части.

«Значит, ты уже принадлежишь другому, — ядовитая мысль жгла изнутри, лишая покоя при виде этого сонного, беззащитного лица. — Врал мне всё это время? Успел сойтись с кем-то за эти два года? Ты же, сука, клялся, что любишь меня! Тебя заставили, или ты сам прыгнул к кому-то в постель? Может, ты уже и ребёнка успел кому-то выносить?! Кто он? Кто этот ублюдок?!»

Этим нелепым самоистязанием он занимался всю ночь, пялясь в потолок и придумывая за Гу Шэня оправдания, одно нелепее другого. В конце концов злость закипела с новой силой, и Сюй Мяо безумно захотелось прямо сейчас пойти и разорвать книжного духа на куски — ведь вся эта каша заварилась исключительно по его вине!

— Ой, Гу Шэнь, ты проснулся! — встряла Ло Сяо, внезапно вспомнив, под каким дамокловым мечом она сама сейчас находится.

Гу Шэнь повернул голову. Заметив девушку, он попытался сесть, но виски тут же пронзила острая, пульсирующая боль. Морщась, он прижал ладонь ко лбу, пережидая приступ. Когда в глазах наконец прояснилось, он тряхнул головой, силясь прогнать накотившее оцепенение.

На затылке осталось странное, покалывающее ощущение. Он осторожно коснулся пальцами шеи, но ничего подозрительного не нащупал. Списав это на остаточные симптомы лихорадки, он опустил руку.

— Гу Шэнь! Кажется... кажется, я натворила делов! — Ло Сяо мертвой хваткой вцепилась в его рукав, едва не плача.

— Что стряслось? — он нахмурился, глядя на её дрожащие пальцы.

— На улице такой кошмар... Всё из-за меня, из-за моей дурацкой книги!

— Успокойся и присядь, — Гу Шэнь попытался подняться, но тяжёлое натяжение на запястье заставило его покачнуться.

Оглянувшись, он наткнулся на угрюмый взгляд скованного с ним Сюй Мяо. Сонная дымка мгновенно слетела с его лица.

— Ты... — Гу Шэнь запнулся, лихорадочно пытаясь восстановить события прошлой ночи. — Я ведь ничего лишнего вчера не сделал?

Оказаться во время гона рядом с альфой, к которому испытываешь глубокие чувства, — всё равно что добровольно заглотнуть смертельную дозу яда. Гу Шэнь смутно помнил, как бросился к Сюй Мяо, как обнял его, а дальше... дальше сознание окутал плотный наркотический туман. Разум отключился, оставив в памяти лишь обрывки ощущений: изнуряющий жар, лихорадочную боль и бесконечную, сводящую с ума пустоту.

Подобные провалы в памяти пугали его, заставляя внутренне подобраться.

— Обойдёмся без подробностей, — хмуро бросил Сюй Мяо, пытаясь уловить хоть какую-то фальшь на лице напарника.

Он не собирался устраивать допрос. В конце концов, после возвращения Гу Шэнь не навязывался ему — это Сюй Мяо сам не давал ему прохода. Да и омега волен выбирать, с кем делить постель.

Но накладывать на такого гордого человека проклятие любви... Разве в этом была необходимость?

В мыслях Сюй Мяо уже вовсю уничтожал неведомого соперника, презирая его за мелочность и глупую ревность. Разве любящий альфа станет удерживать партнёра насильно?

Но за волной праведного гнева следовало горькое, липкое разочарование. Природу этого чувства Сюй Мяо определить не мог, отчего злился ещё сильнее. Слишком много мыслей вертелось вокруг одного человека. Он раздражённо цыкнул сквозь зубы.

— Так что там с книжным духом? — Гу Шэнь скользнул по нему быстрым взглядом и отвернулся.

Сюй Мяо уставился на его затылок, закипая от обиды. Он же буквально исходил злостью, это было видно невооружённым глазом! А этот сухарь даже бровью не повёл!

«И это твоя хваленая любовь? Серьёзно?! Какого хрена ты тогда вешался на меня вчера? Никакой верности, ни грамма настойчивости!»

— Этот монстр заполнил улицы каким-то психоделическим туманом! — подала голос Ло Сяо. От собственных слов ей становилось не по себе. — Альфы сходят с ума, в кварталах с высокой концентрацией альф начались погромы и беспорядки!

Она по-настоящему испугалась. Кто мог подумать, что фантазия, рождённая на страницах её глупой рукописи, вырвется в реальный мир и устроит локальный апокалипсис?

— И это ещё не всё! Этот книжный гад объявил, что снять наручники можно только одним способом: нужно добровольно войти в его Мир иллюзий и переписать трагический финал истории на счастливый.

Ло Сяо судорожно вздохнула.

— Но оттуда никто не возвращается! Исполнители просто идут туда один за другим и скармливают ему свою духовную силу, отчего он становится лишь сильнее. А те, кто остался в наручниках и отказался входить в Мир иллюзий, начали впадать в летаргический сон... Жертв пока нет, но эта тварь предупредила: если не снять оковы вовремя, наступит настоящая смерть.

Плечи девушки мелко задрожали от нахлынувшего страха.

— Вот почему мне пришлось на рассвете просить мастера вскрыть ваш замок...

— Вы взломали дверь? — переспросил Гу Шэнь, резко повернувшись к ней.

— Ну... да, — Ло Сяо виновато втянула голову в плечи.

— И что вы...

Он хотел спросить, в каком виде она их застала и не успела ли настроить себе лишнего, но вовремя прикусил язык. К чему плодить лишние неловкие разговоры?

Кашлянув, Гу Шэнь холодно осведомился:

— И как именно мы должны превратить трагедию в счастливый финал?

С этими словами он попытался сойти с кровати, но натянутая цепь едва не сбила его с ног. Обернувшись, Гу Шэнь недовольно зыркнул на напарника, сидевшего сиднем.

— Поднимайся.

— Не подумаю, — буркнул Сюй Мяо, демонстративно упершись руками в матрас.

— Я сказал, вставай!

Гу Шэнь и сам не понимал, почему чувствует себя настолько свежим и полным сил, словно тяжёлая фаза гона прошла стороной. Но стоило здравому смыслу вернуться, как воспоминания о вчерашней слабости обожгли его стыдом. Сама мысль о том, как он унижался, теряя контроль над собственным телом, и умолял этого сопляка об объятиях, вызывала у него глухое отвращение к самому себе. А вызывающее поведение Сюй Мяо лишь подливало масла в огонь.

Вокруг его предплечья завихрились полупрозрачные, свистящие потоки воздуха — зарождающиеся лезвия ветра. При всей своей внешней утонченности и деликатности, в бою Гу Шэнь использовал исключительно разрушительные техники. Пока другие исполнители годами учились наращивать убойную силу своих приёмов, он, напротив, всю жизнь тренировался сдерживать и гасить собственную мощь. Для оперативной работы, которой он занимался с шестнадцати лет, его природный разрушительный потенциал был избыточен и опасен для окружающих.

Толстокожий и вечно лезущий на рожон Сюй Мяо долгие годы служил для него идеальным манекеном. На обнажённых плечах и груди альфы до сих пор белели тонкие росчерки шрамов — следы от былых тренировочных порезов.

Впрочем, бывшие раны никогда не останавливали упрямого волка. Он раз за разом шёл напролом, а теперь, когда его тело окончательно возмужало, старые отметины казались совсем

крошечными на фоне бугристых мышц.

— И что ты мне сделаешь? — Сюй Мяо рванулся вперёд и мертвой хваткой вцепился в воротник напарника.

Ему не хотелось избивать Гу Шэня в одностороннем порядке — он просто жаждал хорошей, честной драки. Сейчас, чувствуя себя брошенным и обманутым псом, он отчаянно нуждался в привычном выплеске агрессии, чтобы вернуть почву под ногами.

Для них кулаки всегда были лучшим средством взаимопонимания. Однако замахнуться как следует Сюй Мяо не сумел: тяжелая цепь намертво сковывала запястья, превращая любое резкое движение в неуклюжую возню. Гу Шэнь тоже оказался заложником ситуации — он не мог ни отшвырнуть соперника пинком, ни взмыть под потолок, используя левитацию. В такой близости его собственные лезвия ветра искромсали бы их обоих.

Ограниченные в маневре, они лишь яростно сверлили друг друга взглядами. Сюй Мяо так сильно сжал в кулаке ткань чужой рубашки, что подол задрался вверх, обнажая плоский живот Гу Шэня и проступившую на коже замысловатую вязь любовного проклятия.

— Гу Шэнь, а что это у тебя за рисунок на животе? — удивлённо спросила Ло Сяо. Сложно было представить этого строгого исполнителя в тату-салоне.

— Ничего особенного! — рявкнул Сюй Мяо прежде, чем напарник успел открыть рот.

Он мгновенно разжал пальцы, торопливо одернул подол его рубашки и для верности прикрыл чужой живот широкой ладонью. Обернувшись к попятившейся Ло Сяо, альфа процедил сквозь зубы:

— Сболтнёшь кому — закопаю лично.

Гу Шэнь опешил от такой суматохи. Жар чужой ладони, пробивающийся сквозь тонкую ткань к самой коже, заставил его сердце пропустить удар. Резким движением он сбросил руку Сюй Мяо, но взгляд его невольно задержался на массивных пальцах альфы. Физический контакт прервался, однако фантомное ощущение прикосновения прочно засело в голове. В памяти неожиданно всплыли туманные, пугающие образы прошлого вечера: эта же ладонь, медленно скользящая по его телу...

От этого осознания его уши вспыхнули густой краской. Он мысленно возблагодарил небо за то, что Сюй Мяо в этот момент был занят запугиванием несчастной беты.

Гу Шэнь поспешно отвернулся, сделал глубокий вдох и прикрыл глаза, силясь вернуть привычное самообладание.

Ло Сяо после окрика Сюй Мяо окончательно лишилась дара речи и теперь отчаянно пыталась сгладить углы:

— Вы... вы только не деритесь, пожалуйста! Как же вы собираетесь спасти положение, если даже между собой договориться не можете?

— Плевать, я со всем разберусь, — фыркнул Сюй Мяо, закатив глаза. — А если и провалимся, то исключительно по вине этого зануды. Он же понятия не имеет, что такое «работать в команде».

— В моей практике не было невыполненных задач! — ледяным тоном отрезал Гу Шэнь.

Обычно он не отличался упрямством или мелочным тщеславием, но фраза «ты не справишься» давно стала для него болезненным триггером. После перевода из элитного подразделения любые сомнения в его профпригодности вызывали у него ярость и непреодолимое желание доказать обратное во что бы то ни стало.

Особенно когда упрёки сыпались из уст Сюй Мяо. С чего тот взял, будто имеет право читать ему нотации? Неужели решил, что вчерашняя слабость омеги дарует ему какую-то власть? Гу Шэнь ненавидел это чувство больше всего на свете. Стоило кому-то увидеть его беспомощным, потерявшим контроль во время гона, как они тут же начинали манипулировать им, унижать и обесценивать его заслуги. Так поступал мастер, так вели себя коллеги и бывшие соратники. Пальцы Гу Шэня до белизны сжали простыню.

— Ну так пошли! — Сюй Мяо вызывающе вздернул подбородок.

Воздушные потоки вокруг руки Гу Шэня мгновенно рассеялись. Смерив напарника презрительным взглядом, он повернулся к Ло Сяо:

— Веди. Клянусь, сегодня этот книжный паразит будет уничтожен.

— Силой тут мало что решишь, — проворчал Сюй Мяо, демонстративно закатив глаза. Ло Сяо, глядя на его самодовольную физиономию, поймала себя на мысли, что этому наглецу действительно не помешало бы хорошенько всыпать.